

разом: 49% женщин и почти 60% мужчин дали ответ «Да, всегда», а позицию «Не всегда» выбрали 48,5% женщин и 38% мужчин.

Таким образом, судя по самооценке своего социального и профессионального самочувствия, большинство югорских учителей – далеко не оптимисты. Несмотря на достаточно высокий уровень материального благосостояния по сравнению с общероссийским уровнем, общая оценка удовлетворенности социально-профессиональной ситуацией достаточно невысокая.

УДК 316:323.21

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИЕЙ

Зборовский Гарольд Ефимович

доктор философских наук, профессор

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND MANAGEMENT SOCIOLOGY

Garold Zborovsky

PhD, professor,

Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье рассматривается модернизация и расширительная трактовка предметного поля социологии управления, связанная с ее отношением к власти, а также с активизацией ее роли и участия в создании в России гражданского общества. В связи с этим особое внимание обращается на проблемы управления социологией как со стороны политической власти, так и властной «социологической элиты». На основании критерия «отношение в социологической науке к власти и созданию гражданского общества в стране» дается характеристика двух основных моделей этой науки.

ABSTRACT – The article discusses the modernization and expansion of the interpretation of the objective field of sociology of management associated with its relationship to power, and activating its role and participation in the creation of Russian civil society. In this regard, special attention is paid to problems of management sociology from both political power and the power of «sociological elite». On the basis of the criteria of «attitude in sociological science to power and the creation of civil society in the country» describes the two main models of this science.

Ключевые слова: социология управления, предмет социологии управления, управление социологией, власть, гражданское общество, властвующая социологическая элита, раскол в социологии, модели социологии.

Keywords: sociology of management, the subject of sociology of management, management sociology, power, civil society, power of sociological elite, the split in sociology, models of sociology.

Целью статьи является модернизированная трактовка предметного поля социологии управления, а также анализ ее связей с другими «рядоположенными» отраслями социологического знания и отношений с властью – как в самой науке, так и в обществе. Поэтому необходимо сразу оговориться, что речь пойдет не столько о традиционном понимании объекта и предмета конкретной отрасли социологического знания – социологии управления, сколько о месте и роли социологии в управлении обществом, регионом, социумом. Другими словами, будет предложена более объемная, чем существующая сегодня, характеристика отрасли. Такой подход позволит рассмотреть отношение к социологии со стороны управленческих, властных структур как следствие и, вместе с тем, как причину предлагаемой ниже трактовки.

Прежде всего, представляется необходимым видоизменить понимание предмета социологии управления. Традиционно он рассматривается – в самом первом приближении – как проблема соотношения субъекта и объекта управления, которое может приобретать различные состояния и формы: воздействия субъекта на объект управления, их взаимодействия как равных и рядоположенных акторов и агентов процесса управления и т.д. При этом мы сейчас не касаемся часто дискутируемого вопроса о том, что собой представляют субъект и объект управления и что находится «между ними».

Поскольку социология управления, как и любая отрасль социологии, занимается исследованием социальных феноменов, ее интересует в первую очередь управление в обществе и конкретном социуме (часто отождествляемое с социальным управлением). Оно направлено на регулирование взаимодействий между социальными общностями и их конкретными участниками, выступающих как субъект-объектные и субъект-субъектные отношения данного социума.

Таким образом, применение общностного подхода к анализу сферы управления позволяет расширить предметную зону рассматриваемой социологической отрасли. Еще больше расширяет ее предметное поле использование пространственно-временного подхода, поскольку социальные общности, включенные в социум, взаимодействуют в нем всегда в рамках определенного хронотопа. Эти общности (и составляющие их индивиды, находящиеся в самых разных отношениях между собой) существуют как в конкретном социальном пространстве, так и в конкретном социальном времени, которые как способы и формы социального бытия оказываются небезразличными к своим содержательным структурам, определенным социальным субъектам – социальным общностям. Они (социальное пространство и социальное время) оказывают влияние на их (общностей) деятельность, «заставляя» социальные общности формировать и использовать те или иные стратегии поведения – пространственные и темпоральные.

Социальные общности, социальное пространство, социальное время теснейшим образом связаны между собой. И если мы говорим об управлении в обществе, направленном на решение проблем, касающихся социальных общностей, межобщностных и внутриобщностных отношений, то не должны проходить мимо регулирования способов и форм их бытия, которыми выступают социальное пространство и социальное время. Следовательно, их, т.е. социальное пространство и социальное время, также можно и даже должно рассматривать в качестве предметной зоны социологии управления. Социальному пространству в этом смысле в социологии «повезло» больше, чем социальному времени. Его как сферу социального регулирования рассматривали многие социологи, но наиболее глубоко, по нашему мнению, – П. Бурдьё и А. Филиппов [2, 8].

Так, у Бурдьё социальное пространство выступает изначально как абстрактное пространство. Конкретным оно становится тогда, когда конституируется ансамблем подпространств или социальных полей. Социальное пространство включает в себя социальные поля, выступающие как системы объективных связей между различными позициями (например, государство, церковь, политические партии, система образования и т.д.). Бурдьё выделяет самые различные социальные поля: экономическое, политическое, религиозное и др. Эти поля представляют собой структурированные пространства позиций, определяющих основные свойства самих полей. Что касается вопроса об управлении социальным пространством, то, в соответствии с концепцией французского социолога, оно осуществляется через управление развитием социальных полей.

Говоря о социологических исследованиях проблематики управления социальным временем (временем общества), необходимо отметить отсутствие серьезных работ в этой области научного знания вплоть до последних лет. Только сейчас появляются первые попытки рассмотреть на социологическом уровне вопросы управления темпоральными стратегиями поведения социальных общностей в связи с проблемами динамики социального времени [1].

Сказанное выше о социологии управления является, с нашей точки зрения, важным аргументом в обосновании тезиса о расширении предметных границ этой отрасли научного

знания. Но это расширение имеет весьма ограниченный характер и не исчерпывает того потенциала, которым социология управления располагает. Увлечшись организационными и технологическими вопросами управления, исследователи явно утратили внимание к тому спектру проблем, которые имеют большую общественную значимость и преследуют цель показать тормозящую направленность авторитарного режима относительно системы управления обществом. При этом речь должна идти не только о критике режима, но и о позитивной программе развития, связанной с формированием и развитием элементов гражданского общества в нашей стране и роли социологии управления в данном процессе [5].

Это означает, что социология управления способна превратиться, хотя бы отчасти, в социологию гражданского общества и «вступить» на его почве в особый тип отношений со смежными отраслями социологического знания – социологией власти и социологией политики. За этими межотраслевыми социологическими отношениями стоит более широкая и социально значимая проблема – перехода от науки к практике управления, власти, политики, их взаимодействия. По существу речь идет об отношениях между социологией и властью как на федеральном, так и региональном уровне. В современной России сложилась ситуация, при которой власти по большому счету социология не нужна. Она не нужна ей прежде всего как наука. В чем-то социология становится даже опасной для власти, особенно когда публикует результаты исследований, ставящих под глубокое сомнение научную обоснованность, социальную справедливость и общественную целесообразность социального и политического курса руководства страны. Когда власть не проявляет интереса к науке, которая способна дать объективный анализ происходящего в обществе, боится этого анализа, становится очевидным и понятным ее нежелание взаимодействовать с такой наукой, стремление как можно дальше «отодвигать» ее от себя.

Впрочем, сказанное не означает отказа от использования в отдельных случаях результатов эмпирических исследований, в первую очередь заказных. Заказы властных и управленческих структур как на федеральном, так и региональном уровнях гарантируются в тех случаях, когда, как минимум, правящая элита не подвергается критике компрометирующими ее деятельность данными социологических исследований, когда не публикуются низкие рейтинги власть имущих, когда не предаются огласке результаты изучения общественного мнения, не поддерживающего действия законодательных и исполнительных органов в центре и на местах и т.д.

Не секрет, что некоторые социологические организации, службы, фонды, отдельные социологи пошли именно по этому пути, который вполне устраивает и их, и власть. Но он входит в противоречие с интересами и науки, и гражданского общества, которые ожидают, прежде всего, объективных результатов и независимой, не подверженной никаким давлению извне, деятельности. Появление иной, сопряженной с интересами властных структур, позиции свидетельствует о том, что в стране существуют глубокие расхождения в понимании роли, предназначения, возможностей отечественной социологии.

Считаем важным с этой точки зрения привести два справедливых суждения М. К. Горшкова, в которых он дает характеристику общего состояния российской социологии и подчеркивает наличие в ней ряда сложных проблем. Вначале приведем его суждение об общем состоянии отечественной социологии: «Большинство социологов либо «заперто» в университетах, где им уготована роль интеллектуальных репетиторов подрастающего поколения и проводников «общего» образования на все случаи жизни, либо подвизается в качестве технических экспертов в маркетинге и рекламе. Серьезно подточило авторитет российской социологии и широкомасштабное участие социологов в избирательных кампаниях самого различного уровня, в ходе которых они нередко принимали участие в так называемом черном PR и теневых избирательных технологиях» [4; 27]. Относительно наиболее сложных проблем российской социологии (второе суждение) исследователь пишет, что они «не так просты, как может показаться на первый взгляд. Их корни кроются в низком уровне отечественной социологической культуры, подразумевающей определенное дистанцирование институтов гражданского общества от структур власти. Симптомами этого недуга можно счи-

тать следующие черты деятельности отечественных социологов, все отчетливее проявляющих себя в последнее время [4; 27–28] :

- социологический сервиллизм: в сложившейся системе взаимодействия с властными структурами социологи, чаще всего, исполняют гувернерские, обслуживающие функции. Данная схема взаимодействия сводится к следующему правилу: если социолог приносит во властные структуры социологические оценки или суждения, не соответствующие оценкам этих структур, он вынужден выслушивать упреки в бессмысленности своих изысканий. Таким образом, его задача сводится не к выявлению и пониманию социальной реальности, а к предугадыванию ожидания власть предержащих;
- доминирование в социологической науке таким тем, которые связаны с оправданием сложившегося в России социального уклада. Довольно редко в поле зрения отечественной социологической науки попадают темы, касающиеся повседневной жизни и трудовой деятельности широких масс населения страны; вопросы, связанные с изучением природы социального неравенства, истории и последствий приватизации в России; исследования в области причин региональных различий, криминализации общества и роста коррупции, отчуждения человека, произвола правящей бюрократии и народившейся российской буржуазии».

Перечень проблем, приведенный выше, вполне мог бы быть продолжен и коснуться в первую очередь отношений социологии и власти, социологии и политики. С нашей точки зрения, сегодня отечественной социологии в целом не хватает не только профессиональной, но и социальной заостренности на самые сложные и противоречивые вопросы общественной жизни, что по большому счету в конечном итоге сливается в единое целое. Существует и еще один серьезный феномен, негативно характеризующий современную отечественную социологию, – имеющий место в ней раскол.

Он приобрел различные формы, включая существование нескольких организационных структур, в каждую из которых входят «расколовшиеся» социологи, проведение автономных, иногда даже параллельных конгрессов и конференций, публикации в различных по характеру и направленности изданиях и т.д. Но раскол в социологическом сообществе – это не только различные структуры и их руководители, не поделившие между собой власть и пользующиеся своим влиянием на определенные группы «рядовых» социологов.

Это еще и «расколотое» социологическое сознание. Линий его раскола может быть несколько. Они могут характеризовать принадлежность социолога к различным направлениям деятельности, различным метапарадигмам, парадигмам и теориям, различным методологиям исследования и т.д. Нас волнует «раскол» социологического сознания с точки зрения его отношения к власти, политике, гражданскому обществу. Вокруг отношения к этому обществу и авторитарному властному режиму, стремящемуся максимально ограничить его возможности в России, и создается новая ситуация социологического раскола. Консолидация академических авторитетов, которая затрагивает сегодня интересы многих социологов, реально превращается в создание «вертикали» социологической власти, способной противостоять значительной части социологического сообщества как организационно, так и содержательно.

Перефразируя известный вопрос, давно уже приобретший форму афоризма, «С кем вы, мастера культуры?», хотелось бы точно также спросить: «С кем вы, мастера социологии?». В ответе на этот вопрос предполагается дихотомия «гражданское – негражданское общество». И тогда формулировка вопроса примет иной вид: на стороне какого общества вы, ученые социологи – гражданского или негражданского? Для нас такой раскол социологического сознания и поведения представляется сегодня одним из его наиболее значимых видов. В нем мы усматриваем различное отношение к властвующему авторитарному режиму, его стремлению к подавлению демократических начал в обществе, прав и свобод человека.

За расколом в социологии и социологическом сознании, несомненно, стоит стремление отдельных лиц к узурпации власти в ней, причем на самых разных уровнях, и не только в центре, но и на местах. Гипертрофированное властолюбие в науке и образовании – вещь чрезвычайно опасная, оно и становится одним из источников раскола, хотя подлинные его

причины лежат гораздо глубже, в мировоззренческих и методологических проблемах, в профессиональной культуре. Ее недостаток, ограниченность профессионального уровня ряда социологов, стремящихся к власти в социологической науке и социологическом образовании, выступает пружинкой действия своеобразного компенсаторного механизма.

Его суть в том, что когда социологи не могут добиться серьезных результатов в научном творчестве и по-настоящему реализоваться в нем, они ищут иные пути для самоутверждения и получения общественного признания. Один из них – приобретение власти и вытекающего из нее статуса с последующим навязыванием другим собственного мнения. Между тем, навязывание какого-то одного мнения – вещь чрезвычайно пагубная в социологической науке и социологическом образовании. Мы это уже проходили.

Как видно, по существу мы перешли от вопроса о социологии управления, ее предметном поле к обсуждению вопроса об управлении в социологии и управлении самой социологией. Его имеет смысл рассматривать на двух уровнях – реальной власти и науки. С одной стороны, речь идет об органах власти и управления в федеральном масштабе (кремлевская администрация, РАН, Министерство образования и науки РФ и др.) и в региональных структурах (администрации Президентов республик, губернаторов, глав регионов и т.д.).

С другой стороны, мы говорим о социологической «властвующей элите» в лице руководства академических и вузовских социологических структур (институтов, факультетов, отделов, департаментов, лабораторий, секторов, кафедр и т.д.). С определенной долей авторского сомнения к этому уровню могут быть отнесены руководители бизнес-структур социологической направленности (агентств, фондов, обществ с ограниченной ответственностью и т.д.). Такое сомнение обусловлено противоречием между внешней формальной независимостью этих бизнес-структур и их руководителей и существованием в стране институционально-правовых норм, подвергающих глубоким ограничениям эту независимость. Примером такого противоречия стала ситуация с Левада-Центром, а правовой нормой, позволившей оказывать на него жесткое давление со стороны властей, – печально знаменитый Федеральный Закон № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» (принятый в июле 2012 г.). Он позволяет рассматривать научную деятельность в социологии как разновидность политической, а некоммерческие организации, ее осуществляющие, признать в качестве иностранных агентов. На практике это означает, что любые результаты социологических исследований, не понравившиеся политическому режиму, можно рассматривать как нелояльные и даже враждебные по отношению к нему действия с вытекающими отсюда последствиями и санкциями. Безусловно, эта новая законодательная мера тоталитарного характера означает мощный удар по свободе слова вообще, социологического, т.е. научного слова, в особенности. Именно названная выше правовая норма и была применена впервые в отношении социологических организаций, первой среди которых оказался Левада-Центр. «В мае 2013 г. московская районная прокуратура обвинила Центр в том, что публикации результатов социологических исследований направлены на то, чтобы оказывать влияние на общественное мнение. Дескать, опросы общественного мнения – не научная работа, а политическая деятельность, которая, кроме того, финансируется на иностранные средства. Тем самым, согласно принятому российскому закону, как говорилось в прокурорском предупреждении, Левада-Центр выполняет функцию «иностранного агента». Все это следует рассматривать как атаку на свободу науки в контексте репрессивной политики администрации Путина. Специализированный журнал «Osteuropa» начал 25 мая 2013 г. международную кампанию солидарности против стигматизации Левада-Центра» [3; 116].

Для того чтобы подавлять право на свободу творчества социологов, была придумана нехитрая юридическая манипуляция: сначала законодательно провозгласить, причем без всяких доказательств и обоснований, политический характер деятельности социологов, а затем – при необходимости – приписать ей какие угодно инсинуации (клеветнические измышления) против власти. Поэтому проведение любого эмпирического исследования (не говоря

уже о теоретических разработках) может стать поводом для преследования социологов. Сейчас для этого не нужно даже решения суда, достаточно указания Минюста на принадлежность структуры к иностранным агентам.

Мы хотели бы обратить особое внимание на то, что кампанию солидарности с Левада-Центром, к сожалению, начали за рубежом, а не в России, где находится достаточно много подобных социологических структур. Это свидетельствует о полном отсутствии корпоративной, профессиональной солидарности в социологическом сообществе. Для власти такая ситуация – просто «подарок судьбы». Она означает, что в случае необходимости можно будет без всяких дополнительных хлопот справиться с любым коллективным агентом социологической деятельности. Более того, многие социологические структуры восприняли прокурорское предупреждение в адрес Левада-Центра как сигнал власти на свой счет и стали проявлять больше сдержанности и осторожности в публикации материалов исследований. Разумеется, это не касается тех организаций и центров, которые традиционно «дружат» с властью и выполняют ее социальные заказы все последние годы (например, ВЦИОМ с 2003 г. по настоящее время).

Как вытекает из сказанного, оба названных уровня управления социологией – реальная политическая и научная власть – определенным образом связаны, хотя чаще всего эта связь не является жесткой и прямой. Лишь в отдельных случаях она может приобретать директивный характер. Тем не менее, в соответствии со сложившимися в стране традициями и имеющимся менталитетом каждый «чих» в каком-либо «властном кабинете» или, того хуже, коридоре власти очень часто воспринимается представителями так называемой властной социологической элиты как установка либо даже как руководство к какому-либо социологическому действию.

Сегодня в отечественной социологии сложилось два типа, две модели понимания ее роли. Есть, с одной стороны, осмысление того, что она способна выступать как наука гражданского общества, следовательно, должна помогать его созданию и укреплению, что она нужна этому обществу для его знания, самопознания и самопонимания. Ситуация участия социологии в социальных переменах сопряжена с трактовкой функций этой науки как элемента гражданского общества. С учетом позиции Б.М. Фирсова [9;103] назовем эти функции социологии. Она должна способствовать: общественному прозрению, складыванию активистской жизненной позиции, воспитанию готовности бороться с барьерами на пути становления и развития гражданского общества, расширению границ мировоззрения людей и их жизненных интересов, помощи в формировании критического взгляда на природу социальных явлений, преодолению догматизма в понимании общественной жизни и ее развития. Эта модель означает исследование социума в целом, включая авторитарный режим, систему узаконенного насилия, двойной морали, извращенности институциональных процессов и реакцию на эти процессы общества сквозь призму изучения его мнения. Критическая позиция связана с трактовкой объективных процессов и показом их такими, какими они есть. Сам факт критики содержится уже в этом показе.

С другой стороны, имеет место противоположная модель, которая состоит в том, что предназначение социологии – работать на власть, ее укрепление и получение в этом случае взамен соответствующих преференций для проведения исследований [7]. Эта конформистская модель предполагает поиск компромисса с режимом, означающего, прежде всего, подчеркивание роли «лидера нации» в деле консолидации общества, акцент на росте его рейтинга, затушевывание некоторых вопиющих сторон жизни и деятельности властвующей элиты на всех ее уровнях (прежде всего, федеральном и региональном), социальной жизни в стране в целом. Важной особенностью этой модели становится дистанцирование от общероссийских проблем, в том числе связанных с федеральным уровнем власти и политики, и сосредоточение внимания на локальных аспектах жизни общества в регионе и конкретном муниципальном образовании. Хотя и здесь в центре внимания тоже могут быть проблемы власти и управления.

Социология в рамках второй модели имеет иной вектор развития – в сторону сотрудничества с авторитарной властью, выполнения ее социального заказа, превращения науки в элемент государственного истеблишмента под видом ее «включения в систему научного управления обществом». Она представлена исследованиями, дезавуирующими критическую функцию ее как науки. Между тем, говорить о подлинно научной социологии вне этой функции практически невозможно.

Описанную (вторую) модель мы называем имитационной социологией. Отнесем к ней научные, точнее наукообразные «подделки», выступающие как попытки использовать весь «набор социологических инструментов», весь социологический «арсенал», начиная от методологии и кончая современными способами обработки данных, для обоснования ангажированных властью позиций. Имитационная социология своей деятельностью стремится несколько видоизменить объективные результаты проведенных исследований, придав им более «благообразный» вид. В этом смысле она напоминает работу некоторых участковых избирательных комиссий, которые при подсчете голосов на выборах «накидывают» десятков – второй процентных пунктов нужным кандидатам. Другими словами, имитационная социология оказывается весьма близкой к заказной. Имитационная социология возникает как средство и как следствие давления власти и крупного бизнеса в стране и регионах на руководителей различных социологических структур, обладающих, в свою очередь, полномочиями и возможностями оказывать давление на своих сотрудников.

За двумя моделями социологии можно увидеть более широкие социальные процессы развития российского социума – либо в сторону политической демократии, рыночной экономики, правового государства, гражданского общества, либо в направлении противоположного вектора движения – поддержки власти. Незадолго до своей смерти, в книге, вышедшей уже после нее, в 2010 г., А. Г. Здравомыслов писал: «...для российских социологов сегодняшнего дня выбор между этими двумя крайними моделями во многом остается открытым. На неопределенность этого выбора влияет важный латентный фактор – политический выбор самой России остается неопределенным: возвращаться ли всей стране под прикрытием дымовой завесы «демократии» в архаическое состояние самодостаточности и изоляционизма или же продолжать начатый за последние годы трудный процесс по "вхождению российской экономики в современный многосложный мир". Я говорю об этих основаниях как о "латентной" составляющей выбора, поскольку в заявлениях и действиях российских лидеров имеются сигналы движения как в том, так и в другом направлении» [6; 312].

В связи с приведенным суждением известного российского социолога хотелось бы отметить, что степень неопределенности политического выбора России, существовавшая ранее, в 2014 г. сузилась до минимальных возможностей, а политика изоляционизма и самодостаточности приобрела универсальный характер. И это еще раз ставит перед социологами вопрос о выборе ценностей, отстаиваемых в научных исследованиях, публичных выступлениях и педагогической деятельности, и позиции, которую они собираются занять в отношении власти и гражданского общества.

Список литературы:

1. Амбарова П.А. Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей: монография. Екатеринбург: УрФУ, 2015.
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005.
3. Гества К. Хомо Советикус и крах советской империи. Неприятные социальные диагнозы Юрия Левады // Вестник общественного мнения. 2013. № 3–4.
4. Горшков М.К. Общество – социология – власть: к вопросу о взаимодействии // Социологические исследования. 2012. № 7.
5. Зборовский Г.Е. Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу. Екатеринбург: УрФУ, 2014.
6. Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. М.: Логос, 2010.
7. Осипов Г.В. Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом // Социологические исследования. 2012. № 7.

8. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.
9. Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950–1980-е годы: очерки. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

УДК 32.019.5

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ: ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ДОВЕРИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ И АКТÓРАМ¹

Зырянов Сергей Григорьевич

*доктор политических наук, профессор, директор Челябинского филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы,*

E-mail: director@chel.ranepa.ru

Аверьянова Дарья Валерьевна

*младший научный сотрудник лаборатории прикладной
политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС*

E-mail: bdv@chel.ranepa.ru

CHELYABINSK REGION: CIVIL ACTIVITY AND TRUST TO REGIONAL POLITICAL INSTITUTES AND ACTORS

Zyrianov Sergey Grigoryevich,

*Doctor of Political Science, Professor, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch,
the Director, Chelyabinsk, Russia.*

Averyanova Darya Valeryevna,

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Junior Research Fellow
of the Laboratory of Applied Political Science and Sociology,*

АННОТАЦИЯ – В статье на материалах социологических исследований анализируется состояние социальной и политической активности населения Челябинской области, а также коснёмся вопроса о том, в какой степени жители региона доверяют региональным органам власти и управления.

ABSTRACT – The article is devoted to the analysis of social and political activity of Chelyabinsk region population; the research is based on materials of sociological surveys. The authors also consider the level of population's trust to regional authorities.

Ключевые слова: Гражданская активность; протестная активность; доверие региональным политическим институтам и акторам; социологическое исследование.

Keywords: Civil activity, protest activity, trust to regional political institutes and actors, sociological survey.

Непременным условием, обеспечивающим развитие гражданского общества в современных российских условиях, является высокий уровень социальной активности населения. В настоящей статье на основе данных социологического исследования «Социокультурный портрет Челябинской области» мы рассмотрим состояние социальной и политической активности населения Челябинской области, а также коснёмся вопроса о том, в какой степени жители региона доверяют региональным органам власти и управления.

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-03-00486 "Социокультурный портрет Челябинской области: региональное сообщество во времени и пространстве".